

Вероника КОВАЛЬ

Вверх по улице Чукурджума

"28 апреля 2012 года в Стамбуле открылся Музей невинности, созданный Орханом Памуком" (из газет).

"Что за странное название, и что может быть в этом музее?" — скорее всего, только эти вопросы и мелькнут в голове несведущего человека. А у меня эти две строчки вызвали бурю эмоций. Вмиг вспыхнули воспоминания о внезапной моей увлеченности...

Начать, однако, нужно с того, что неугомонный Виктор Иванович Глушаков, основатель и директор музея Паустовского в Одессе, задумал провести международную конференцию, посвященную 70-летию со дня выхода в свет повести Константина Георгиевича "Чёрное море", ближе, так сказать, к первоисточнику. Судходная компания "Укрферри" пошла навстречу. И вот мы — ученые-филологи, преподаватели университетов и школ, журналисты — любимые с палубы парома "Каледония", бойко идущего по маршруту Одесса — Стамбул, белым кружевом пены за кормой, мгновенным полетом вынырнувших афалин, черным с белыми прожилками мрамором ночных волн вдалеке от бортов.

Жаль, но придется наступить на горло собственной песне. Предисловие не следует затягивать.

Итак, Стамбул. Красоты его известны. Для одесситов съездить в Турцию — что на рынок "Седьмой километр". Взять хотя бы тот факт, что путеводитель "Стамбул за два дня" написал одессит Закир Калмыков (с ним мы познакомились в этом путешествии). Не стану повторять растрепанные описания красот мощной Айя-Софии, затейливой Голубой мечети, роскошных дворцов Топкапы, гробницы Роксоланы и прочего. Лишь несколько импрессионистических штрихов, выражающих, скорее, эмоции, чем видимое глазу. Помнится, как пронзила меня загадочность чёрных омутов в подземном хранилище воды Йеребатан, где жёлтыми хризантемами вспыхивали отражения светильников... Как захватило дух от круговой панорамы Стамбула, открывающейся с Галатской башни... Как защемило сердце в бесшумном голубом трамвае от нежного названия улицы — Лалели. Но — странное дело! — сколь ярко были впечатления о городе, столь чужими и непонятными остались люди. Запомнились только масса клерков, спешащих на работу в стандартных чёрных костюмах, женщины в хиджабах по дороге на рынок, жирные коты у ведер с уловом на Галатском мосту.

Спустя месяц в Одессе я увидела книгу "Стамбул: город воспоминаний". 2003 год. Автор — Орхан Памук. Это имя мне ничего не говорило. Но разве можно пройти мимо сочинения, напоминающего о путешествии!

Во вступлении говорилось, что Орхан Памук — выдающийся представитель современной турецкой и мировой литературы. Что на родине его подвергают преследованиям за признание (вопреки официальной идеологии) геноцида армян в 1915 году. На обложке — фотография автора. Европейский костюм, очки в тонкой оправе... Его облик дышал интеллигентностью, достоинством. Хотелось смотреть и смотреть в его глаза.

А роман?

Я влезла в него по уши. Меня словно втянуло в воронку, где вязкая вода медленно, тягуче, но притягательно заставляла идти по её течению. То была автобиография Памука, рождённого в состоятельной семье стамбульцев в 1952 году. Изложение жизни — его, родителей, многочисленной родни — вплетено в ткань повествования о городе, рассказа неспешного, с бытовыми подробностями, с передачей собственных ощущений — вплоть до запаха и вкуса.

Поколение Памука выросло в напряжённое для Турции время реформ — после прихода в 1925 году к власти Мустафы Кемалю Ататюрка, ставшего национальным лидером. Шла затянувшаяся, невидимая чужому глазу, но упорная борьба вековых традиций Османской империи, основанных на султанате и мусульманской культуре, с демократией и культурой европейского типа, которую настойчиво и жёстко внедрял Ататюрк. На неё накладывалось извечное противостояние христианской и мусульманской религий. Константинополь (Царьград) и Стамбул так и не стали едины, хотя каждый день шустрые катера перевозят рабочих по Босфору из Европы в Азию и обратно. Из развалин христианских храмов проросли иные святыни. Однако дух Турции — это не дух торжествующего победителя. Как пишет Памук, "после распада Османской империи мир почти забыл о Стамбуле. Мой город был как никогда бедным, заброшенным и одиночным. Для меня он всегда останется городом руин и меланхолии имперского заката. И я всю жизнь боролся

с этой меланхолией или же (как многие стамбульцы) сживаюсь с ней". Это состояние писатель определяет турецким словом "хиюн" — грусть, печаль.

Однако летописец города поэтизирует подобный настрой, приводит читателя в удивление и восхищение, а отнюдь не к ощущению унижающего сострадания. Каждая страница книги распахивала для меня двери и окна стамбульских семейств. Я изнутри видела их ежедневную жизнь, наблюдала нравы, привычки, конфликты, любовные сцены. Понимала чуждую речь и неизменно грустные напевы. Шла через лабиринты человеческих судеб и страстей. Порой было ощущение, что я становилась частью того существования. И я все сильнее понимала, что сущность человека одинакова, где бы он ни жил, к какой бы расе ни принадлежал.

ТАК мог показать жизнь только большой писатель.

После книги "Стамбул: город воспоминаний" талант Памука был безоговорочно признан и читателями, и критиками, и литераторами. Писатель является лауреатом многочисленных национальных и международных литературных премий. Его книги переведены на более чем 50 языков. В 2006 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: "Автору, который в поисках меланхолической души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур". Вполне заслуженная награда,

без вмешательства политической конъюнктуры и личных симпатий!

А теперь — об уникальной особенности творчества Орхана Памука.

Она в том, что автор приковывает наше внимание к тысячам мелочей. Слово лучом фонарика, он высвечивает на страницах книг мелкие предметы быта. В комнатах — статуэтки, книги, джезвы, часы, лампы, шкатулки, фотографии на стенах, безделушки, трубки, календари, флаконы духов и пудреницы на туалетных столиках... В театрах — афиши и программки, монетки, ордена мужчин и украшения на дамах... В ресторанах — меню, пепельницы, сигареты и вина, бокалы, тарелки, салфетки, ножи и ножички... Каждую вещь Памук описывает так подробно и "вкусно", что вспоминается выражение Р.М. Рильке: предмет, включённый художником в натюрморт, становится личностью. А среда, в которую Памуком вещи включены, становится для читателей почти осязаемой и потому потрясающе убедительной.

Откуда такая любовь к вещному миру? Откуда такое его знание?

Сам Памук говорит, что в нем с детства живет страсть к собиранию предметов быта. Сначала он заргомождал ими дом, затем стаскивал в нежилую квартиру. С годами набор вещей сам собой превратился в коллекцию, а коллекция — в символику жизни стамбульцев 1950-х-2000-х годов.

Я принялась читать другие произведения Памука — "Белую башню", "Снег", "Чёрную книгу", "Меня зовут Красный". (Интересно: почти все названия "окрашены" в разные цвета. И не случайно: Орхан с детства любил живопись, учился на архитектурном факультете.) Некоторые из них трудно назвать романами, так сплавлен сюжет с легендами, летописями, философскими и религиозными трудами (коих он великий знаток). Другие романы остро современные. Трудно разобраться в действиях и воззрениях различных политических сил турецкого общества, однако, по сути это имею-

щая политический оттенок та же борьба патриархального и современного, Востока и Запада. И во всех произведениях Памук снова и снова возвращает нас в Стамбул, в районы Бейоглу и Нишанташи, где прошло его детство, в лавку старьевщика Аладдина, где он покупал шарики, переводные картинки, копейные игрушки, желтые номера старых газет и журналов (оказавшиеся впоследствии для него бесценным источником изучения той жизни).

В 2008 году промелькнула информация, что писатель после десятилетней работы выпускает новый роман — "Музей невинности". Название поставило меня в тупик непонятностью смысла, но разбудило жгучее любопытство. Читать, читать! Вскоре вышел перевод на русский (произведения Памука переводчики и издатели расхватывают).

Я как раз опять собиралась в Стамбул, на этот раз — с группой одесских художников. И надо же — мне с проводником передает эту книгу приятельница из Москвы, знающая о моей увлеченности. Роман оказался толстым, в 600 страниц. Дома я успела "проглотить" страниц сто, дочитывала в дороге. Для меня уже не существовали ночное море, солнечные ванны на верхней палубе, вечерние разговоры. Я читала. Взахлёб.

Сюжет романа: Кемаль, молодой представитель империи текстильных "королей" (кстати, "памук" — это "хлопок"), преуспевающий, готовится к помолвке с красавицей-аристократкой,

как родственника. Такие вечера длятся семь лет! "Статус-кво" только однажды нарушает просьба Фюсун дать деньги на фильм, где муж — автор сценария и режиссер, а она будет играть главную роль. Кемаль готов стать спонсором, но, оказывается, и он, и муж не хотят, чтобы Фюсун окунулась в мир богемы. Под разными предлогами он не даёт денег.

Все эти годы Кемаль тайно выносит из дома безделушки, заменяя их покупными. Семейство делает вид, что ничего не замечает. Неожиданно описывает автор эти обычные бесконечные вечера. Например, есть глава, которая называется "Иногда". Вот небольшой отрывок: "Иногда мы ничего не делали и сидели молча. Иногда Тарык-бею, да и всем нам, передача казалась скучной, и он принимался читать газету. Иногда вниз по улице с шумом, гудя, ехал автомобиль, а мы замолкали. Иногда шёл дождь, и мы прислушивались к ударам капель по стеклу. Иногда тетя Несибэ забывала, что в пепельнице — недокурная сигарета, и закуривала на кухне ещё одну. Иногда в рекламе по телевидению показывалась женщина, которая расхваливала именно то, что мы ели за ужином. Иногда вдали раздавался взрыв. Иногда Фюсун так изящно зевала, и все на свете для меня прекращало существовать, я представлял, что во вздохе из глубин ее души исходит покой, как прохладная вода из колодца в летний день".

Отчего не надоедает это бытописание? Оттого, что проза Памука обладает неизъяснимым волшебством. К ней не приклеишь литературоведческий ярлык. Могу сказать одно: писатель достиг высшей степени творческой свободы, когда техника растворяется в мастерстве...

Кемаль узнаёт, что "муж" — просто друг детства Фюсун, брак их фиктивен, чтобы она могла потом выйти замуж, будучи женщиной (брачные отношения в те годы сурово осуждались). Такое известие побуждает Кемаль сделать ей предложение руки и сердца. Она раздумывает.

Заканчивала я чтение, когда уже показался Золотой рог, потянулись прилепившиеся друг к другу особняки на набережной. А я переживала трагическую гибель (или самоубийство?) героини романа.

Кемаль в память о любимой решает купить дом родителей Фюсун и превратить его в музей того, что её окружало, в Музей невинности. Памук изобразил в романе и себя — как архитектора, которому Кемаль рассказал историю своей любви и попросил помочь создать экспозицию. На последних страницах книги указывались адрес музея, подробный план района и даже образец входного билета...

Нужно ли говорить, что на следующее утро я с книжкой подмышкой отправилась в Музей невинности? Прохожие старательно всматривались в план и где на плохом английском, где жестами указывали мне путь. Оказалось, Чукурджума находится не так уж далеко от причала, где ошвартовался наш паром.

Вверх, вверх по шербатым ступеням лестницы, булыжникам мостовой, мимо глухонемого старика, который на мой вопрос только развел руками и улыбнулся, мимо антикварной лавчонки (не Аладдина ли?), мимо витрины с лепешками, густо обсыпанными кунжутом. Вот и он, дом, который я ищу. Двухэтажный — верхний этаж с эркером значительно солидней, чем первый. Здесь семь лет происходили встречи Кемалю и Фюсун.

Где же вход в музей?

Все двери наглухо заперты, большие окна забиты досками... Я заглянула в щель и увидела пустую бутылку из-под лимонада, тряпье, бумажки. В чем дело? Кто спросить? Навстречу мне шла турчанка, закутанная в чёрное с головы до ног. Что ей скажет пароль "Орхан Памук"?

Трудно передать разочарование, которое я испытала. Неужели это фантом, плод творческого воображения писателя? Зачем тогда конкретный адрес? Я ничего не понимала. Покинула Стамбул с чувством досады.

Вскоре Памук приехал в Москву на презентацию романа и встретился с читателями в книжном магазине на Арбате. Так я впервые увидела и услышала его по телевидению. Я шла в Интернет его сайт и попросила раскрыть тайну дома. Конечно, моё письмо затерялось в обильной почте мэтра.

И вот тайна раскрыта. Памук, как он сам рассказывал на сайте, работал эти годы над экспозицией будущего Музея невинности, к тому же были финансовые трудности, хотя он всю Нобелевскую премию вложил в своё детище. И всё-таки писатель добился цели! По сути, это музей того вещного мира, в котором протекала жизнь не одного поколения стамбульцев, и предметы из которого Орхан собирал долгие годы. Судя по фотографиям в Интернете, экспозицию Памук построил по его собственному принципу: "Наши музеи должны показывать нашу собственную жизнь. Чтобы гордиться ею".

Мне просто необходимо побывать третий раз в Стамбуле!